

— Обед! Обед!

В академии ударили в медный колокол. Наставник первым покинул учебную комнату, а ученики, словно получившие свободу воробьи, бросились наружу.

Цинь Жунши уже провёл в академии несколько дней, но всё равно привык ходить сам по себе. В первый день сосед по спальне Сюй Син ещё проявлял к нему всяческую заботу, но после того дня убрал свою непонятную сердечность и пыл, и даже в спальне делал вид, будто не видит Цинь Жунши.

Добравшись до столовой и отстояв очередь за едой, Цинь Жунши с подносом нашёл неприметный угол и сел. Едва он успел сесть, как Се Баочжу уже отыскал его. И пришёл он не один: за ним шумной тучей тянулась целая толпа.

— Соученик Цинь! Вот ты где, я тебя полдня искал и никак не мог найти!

Се Баочжу сел рядом с Цинь Жунши со своей едой и по-свойски заговорил:

— Почему ты опять ешь один? Вот, это я купил у твоей невестки мясной соус, попробуй.

На явившегося без приглашения Се Баочжу Цинь Жунши даже не взглянул, не поздоровался и даже почувствовал лёгкое раздражение. Но, услышав последнюю фразу Се Баочжу, он наконец пошевелился, поднял голову, посмотрел на него и спросил:

— Какой мясной соус?

Се Баочжу не ответил сразу, а чистыми, ещё не использованными палочками выскреб из бамбуковой трубочки немного мясного соуса на тарелку Цинь Жунши и только потом сказал:

— Мясной соус с грибами. В день продают всего десять трубочек, купить очень трудно. Я велел Фэйцую с самого утра идти занимать очередь.

Фэйцуй был слугой по учебе Се Баочжу. Когда младший господин семьи Се ещё был в утробе матери, все в доме говорили, что госпожа носит девочку. Имя ему дали ещё до рождения - Баочжу, что означало «драгоценная жемчужина на ладони». Кто же знал, что родится мальчик, с тем, что положено мальчику, но имя уже решили оставить, и он всё равно стал Баочжу.

Когда Се Баочжу подрос и начал понимать, ему стало противно, что имя похоже на девичье, а злость девать было некуда, поэтому он дал своему личному книжному слуге имя Фэйцуй*, сказав, что так они больше похожи на господина и слугу.

(ПП: фэйцуй - жадеит (минерал) или в перен.смысле жемчужина (чего-л.), сокровище)

Стоило только понюхать, и Цинь Жунши сразу понял: это действительно было мастерство Лю Гуюя.

Се Баочжу всё ещё говорил:

— У тётушки Гуйхуа руки тоже неплохие, но по сравнению с твоей невесткой всё-таки немного уступают. Я специально купил, чтобы есть с рисом!

Цинь Жунши кивнул ему и наконец изволил раскрыть драгоценные уста:

— Благодарю.

Се Баочжу рассмеялся, затем подвинулся ближе к Цинь Жунши и заискивающе сказал:

— Благодарить не надо, просто... просто покажи мне вчерашнее задание, а?

У Се Баочжу не было особого таланта к учёбе, иначе он не просидел бы столько лет второгодником в Мэньюане, пока декан в порядке исключения не перевёл его в Саньсунъюань.

Цинь Жунши съел мясной соус, которым угостил Се Баочжу, и в конце всё равно беспристрастно сказал:

— Прости, боюсь, это неудобно.

Се Баочжу с горьким лицом взвыл:

— А-а-а! Почему нельзя! Я только посмотрю!

Цинь Жунши ещё не успел ничего сказать, как первый прихвостень Се Баочжу уже расхохотался:

— Старший молодой господин Се, где это вы просто посмотрите! Вы же списать хотите!

Хотя они и были хвостами, Се Баочжу относился к ним на редкость снисходительно, так что в словах они тоже не особо стеснялись.

Когда его мысли разоблачили, Се Баочжу не рассердился, только свирепо взглянул на говорившего и недовольно сказал:

— Катись-катись-катись! Кто списывает? Я... даже если и списываю, я ведь сначала посмотрю, а уже потом спишу! Быстро закрой рот! Ещё слово скажешь - вернёшь мне мясной соус!

Оказалось, этот мальчик, разбрасывающий богатство, поделился мясным соусом не только с Цинь Жунши, а раздал его ещё нескольким людям, так что две трубочки мясного соуса с грибами выскребли дочиста.

Раз уж речь зашла о заданиях, тут нельзя не упомянуть Се Баочжу и Сюй Сина. Эти двое как раз и столкнулись из-за заданного наставником урока.

Се Баочжу только вошёл в класс Цзя Саньсунъюаня и сразу узнал, что первый ученик в классе зовётся Сюй Син. Он сам нашёл его, желая наладить отношения, чтобы в будущем было удобнее искать лёгкие пути. Но Сюй Син не захотел. Тогда Се Баочжу сказал, что может заплатить, и эти слова ещё сильнее разозлили Сюй Сина: тот обругал Се Баочжу за оскорбление и даже донёс наставнику. Наставник разгневался и наказал Се Баочжу переписать целую «Правильную трактовку Пяти канонов». Се Баочжу тоже был страшно зол. Он-то думал: даже если сделка не состоится, человеческие отношения останутся; на худой конец найдёт кого-нибудь другого. Кто же знал, что этот человек повернётся и сразу донесёт на него!

Молодой господин Се не боялся ни неба, ни земли, боялся только переписывать книги, а тут ещё целая «Правильная трактовка Пяти канонов»!

Сюй Син считал Се Баочжу никчёмным богатым бездельником, а Се Баочжу считал Сюй Сина доносчиком. Так между ними окончательно и завязалась вражда.

И донёс Сюй Син не только в тот раз. Позже он ещё жаловался, что Се Баочжу приносил в учебную комнату праздные книги, жаловался, что тот дремал на уроке, жаловался, что на занятии по стрельбе и управлению колесницей тот жарил на задней горе яйца диких птиц... Одним словом, был настоящим ушастым доносчиком!

Как раз когда речь дошла до этого, Сюй Син с несколькими соучениками проходил мимо. Он был первым учеником класса, получил оценку Цзя, и у него тоже было немало поддерживавших его соучеников и друзей; в основном это были крестьянские дети, которые брали Сюй Сина за образец.

Проходя мимо, Сюй Син ещё тихо фыркнул в сторону Се Баочжу, а затем закатил глаза.

Се Баочжу:

— ...Он сейчас на меня глаза закатил?

Прихвостень номер два кивнул:

— ...Кажется, да.

Се Баочжу:

— И вы просто стоите и смотрите?! Ругайте его!

Прихвостень номер три:

— ...Не смеем. А вдруг он нажалуется наставнику? Мы не хотим переписывать книги.

Се Баочжу:

— ...

Цинь Жунши не хотел слушать этот пустой трёп, к тому же как раз закончил есть, поэтому равнодушно сказал:

— Я пойду первым, соученик Се, располагайся.

Сказав это, он взял пустой поднос и покинул место. Се Баочжу рассеянно кивнул, ещё сердито пробурчал пару ругательств в адрес Сюй Сина, а потом поднял голову и увидел спешащего куда-то Ли Ань-юаня.

Глаза у него загорелись, и он поспешно крикнул:

— Ли Ань-юань!

Ли Ань-юань остановился, уставился на Се Баочжу, посмотрел на него пару раз и только потом медленно ответил:

— Соученик Се? Э-э, козье молоко сегодня уже доставлено, у тебя ещё что-то?

Се Баочжу поднялся, притянул его к себе, наклонился ближе и тихо сказал:

— Соученик Ли, дай посмотреть задание, которое наставник вчера задал, а? Я дам двадцать вэней! Хватит тебе два раза одежду постирать!

Ли Ань-юань нахмурился и не согласился, наоборот, настороженно посмотрел на него и спросил:

— Ты хочешь списать?

Се Баочжу цокнул языком и поспешно сказал:

— Как это можно назвать списыванием! Задание, которое вчера дал наставник, слишком трудное, я не умею делать, вот и хочу одолжить твоё посмотреть!

Но Ли Ань-юань, который деньги любил как жизнь, покачал головой и отказался, а в конце ещё серьёзно сказал:

— Соученик Се, разве ты не говорил, что дома тебе отдали строгий приказ: если в этом году снова не сдашь на туншэна, больше не позволят учиться? Сейчас ты спишешь, а потом на экзаменационном дворе никто тебе списывать не даст.

Красноречивый Се Баочжу вдруг лишился слов и лишь спустя долгое время смущённо сказал:

— ...Почему ты говоришь в точности как наставник Цянь?

На деле оказалось, что Ли Ань-юань ещё многословнее наставника: он потянул Се Баочжу и с сердечной назидательностью принялся читать ему нотацию.

— Если в учёбе что-то непонятно, следует обратиться за наставлением к учителю. Знать - значит знать, не знать - значит не знать, в этом и есть знание... Как можно затыкать себе уши, крадя колокольчик*?

(ПП: То есть обманывать самого себя.)

— Если я правда дам тебе списать задание, вот тогда я подведу тебя, подведу твоих родителей и подведу наставления учителей. Человек без преданности и доверия не может утвердиться в мире², это не поступок благородного мужа. К тому же в деревне ещё очень много людей хотят учиться читать и писать, но не имеют возможности; некоторые из них, может быть, всю жизнь даже к книгам не прикоснутся.

— Соученик Се, у твоей семьи есть деньги, чтобы дать тебе учиться, это очень хорошие условия, и тебе тем более следует ими дорожить. Как говорится: то, что приходит и не должно быть упущено, - это время; то, на что ступаешь и не должен упустить, - это возможность...

Се Баочжу:

— ...

У Се Баочжу уже начала болеть голова. Он изобразил выражение человека, который «послушал речи мудреца - и словно десять лет книг прочёл», торжественно посмотрел на Ли Ань-юаня и сказал:

— Верно! Соученик Ли, ты говоришь слишком верно! Я прозрел!

Ли Ань-юань тоже посмотрел на Се Баочжу с выражением «этого юношу ещё можно наставить» и кивнул:

— Соученик Се, хотя я не могу одолжить тебе готовое задание, я могу тебя учить. Разве твои почтенные отец и мать не надеются, что ты сдашь на туншэна? Я могу тебя обучать: за один шичэнь беру пятьдесят вэней. Как тебе?

Се Баочжу:

— ...

Се Баочжу не сказал ни слова, взял поднос с едой и пошёл наружу, словно внезапно оглох на оба уха.

Ли Ань-юань поспешно погнался за ним и, торгуясь, крикнул:

— Тридцать вэней! Тридцать вэней тоже можно! Соученик Се, подумай хорошенько!

...

К концу первого месяца наконец настал день отдыха в академии Лумин. Ученики из других посёлков или из уезда во время малого отдыха по большей части домой не возвращались, а ждали крестьянских каникул или каникул на «выдачу зимней одежды», чтобы съездить. Но в академии было и много учеников из окрестных деревень: например, Цинь Жунши, Ли Ань-юань, Суй Син.

Обычно занятия в академии Лумин заканчивались в конце часа Ю, но некоторые деревни находились далеко; если отпускать учеников домой только в это время, им пришлось бы идти ночной дорогой в темноте. Поэтому ради безопасности учеников перед каждым днём отдыха занятия заканчивали на один шичэнь раньше, чтобы учащимся было удобнее вернуться домой.

Ранней весной дождей было много. Этим утром снова прошёл дождь, тянулся полдня и лишь к тому времени, когда солнце клонилось к западу, постепенно остановился. Синие горы на западе отражали золотисто-красный цвет зари, мокрые травинки в этом свете блестели, следы мха окрасились зеленью, и вокруг разливался аромат свежей травы.

Вся семья знала, что сегодня Цинь Жунши возвращается домой на отдых, и радовалась этому уже целый день. Особенно Цуй Ланьфан: от волнения она несколько раз прошлась кругами по двору.

Поскольку Цинь Жунши должен был вернуться домой, Лю Гуюй приготовил этот ужин особенно обильно. Он достал из кувшина несколько квашеных редек, собираясь сварить суп из старой утки с квашеной редькой.

Редьку они квасили сами: ещё в прошлом году, когда редька только поспела, Лю Гуюй вымыл её начисто и уложил в кувшин. Этот кувшин Лю Гуюй считал сокровищем: кроме редьки, там ещё квасились длинная фасоль, молодой имбирь, головки чеснока, красный перец...

Он ещё подцепил палочками немного длинной фасоли, подумав, что жареная квашеная фасоль с мясным фаршем тоже прекрасно пойдёт с рисом.

Дома, конечно, не каждый день ели рыбу и мясо, но Цинь Жунши возвращался домой всего три раза в месяц, разве можно было не приготовить что-нибудь хорошее, чтобы его встретить.

По кухне плыл кисловато-ароматный запах. Утиное мясо в котелке тушилось до мягкости, суп булькал, золотистые капли жира разбивались кипящим отваром, а потом понемногу собирались у стенок.

Лю Гуюй взглянул на небо, затем посмотрел наружу - на Цуй Ланьфан, которая, посидев совсем недолго, уже не могла усидеть, поднялась и ходила по двору, то и дело вытягивая шею и выглядывая за ворота.

Он окликнул её:

— Мама, если уж ты так волнуешься, сходи к деревенскому входу подожди. Небо, смотрю, вот-вот потемнеет, боюсь, эрлан задержится и плохо будет видеть дорогу.

Цуй Ланьфан и правда хотела выйти встретить его, но если она уйдёт сама, то оставит Лю Гуюя одного хлопотать на кухне, и это вроде бы было не слишком хорошо, поэтому ей было неловко сказать.

Теперь Лю Гуюй сам сказал это вслух и дал Цуй Ланьфан удобную ступеньку, так что она поспешно кивнула:

— Гуюй прав, я всё-таки пойду посмотрю!

Сказав это, она взяла масляную лампу и вышла за дверь. Подросший щенок, виляя хвостом, последовал за ней, очень уж живой и проворный.

Суп уже сварился, и Лю Гуюй подготовил все блюда, которые нужно было жарить дальше: оставалось только дожидаться, когда Цинь Жунши вернётся домой, и снова разводить огонь.

Он и Цинь Баньбань сели у очага; от скуки он очистил две головки чеснока и как раз собирался взяться за третью, когда Цинь Жунши и Цуй Ланьфан вернулись.

— Второй брат!

Баньбань выбежала навстречу и на ходу крикнула:

— Ты наконец вернулся! Я в последнее время читала медицинские книги, там есть несколько иероглифов, которых я не знаю, я всё ждала, когда ты вернёшься, чтобы спросить у тебя!

Цинь Жунши оказался с разбегу в объятиях младшей сестры и только удержав равновесие, посмотрел в сторону кухни, на Лю Гуюя.

Лю Гуюй был одет в серо-синюю одежду из грубого полотна, на талии у него был повязан передник на пару тонов темнее, туго затянутый и подчёркивавший тонкую стройность стана. Рукава он высоко подвернул, открыв часть белого чистого предплечья. Именно этот белый участок теперь махал Цинь Жунши, а следом Лю Гуюй с улыбкой крикнул:

— Эрлан! Сначала отведи Баньбань разобраться с иероглифами, осталось ещё два блюда, скоро всё будет готово!

<http://bllate.org/book/17177/1747870>